

Cetl, Jiří; Šmajš, Josef

Природа и общество как детерминирующие факторы свободы человека

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. B, Řada filozofická.
1986, vol. 35, iss. B33, pp. [35]-42

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/106318>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Йиржи Цетл — Йосеф Шмайс

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
ФАКТОРЫ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Марксистско-ленинская теория исходит из предпосылок, что свобода не есть абсолютная противоположность необходимости (связанной с природой и обществом), что она не есть независимость человека, вызванная внешними объективными условиями, а, наоборот, что она очень тесно связана с необходимостью, с объективной детерминированностью общественной жизни, с ее познанием, использованием и преодолением благодаря деятельности человека. Авторы отстаивают точки зрения, что реальная свобода достигается человеком постепенно, посредством труда и общественной деятельности на протяжении всей истории, и что идеал свободы фактически тождествен представлению о социально справедливом обществе и об активном, гармонически развитом человеке.

Так как под свободой (человека, социальной группы, класса, человечества) мы представляем сложное диалектическое единство объективного и субъективного, то есть не только естественно-исторически детерминированные рамки внешних условий, но и совокупность субъективных условий (индивидуальных и коллективных) познания и изменения мира, развития мира, развития человеческих способностей и сил, мы можем схематически отличить две области детерминации человеческой деятельности, два аспекта человеческой свободы:

1. детерминация с позиции природы (характер и структуру зависимости от природных сил извне и изнутри индивидуума)

2. детерминация с позиции общества (условия свободы в социально-политическом смысле).

При относительно самостоятельном обсуждении особенностей первой и второй области детерминации нельзя не учитывать, что обе эти области, оба относительно самостоятельных аспекта человеческой свободы, реально связаны между собой сложной внутренней диалектикой. Относительной независимости от природы человек добивается только благодаря общественной форме своей жизни, только посредством всеобщего общественного прогресса. Действительная социально-политическая свобода связана только с высоким уровнем овладения природой и ее контроля.

I

Общезвестно, что марксистско-ленинская концепция свободы является продолжением гегелевского понимания свободы как все развивающегося исторического процесса, посредством которого достигается все большая независимость от внешних условий. Хотя Гегель и не придает большого значения детерминации человеческой свободы природой, ибо под внешней действительностью понимает главным образом общество, не считая природу абсолютно равноценной параллелью идеи, духа, а, на-

оборот, чем-то „существующим только благодаря снисходительности идеи“ (Энгельс); идея „коварства разума“ своеобразно компенсирует эту явно слабую сторону его философии. В то время, когда естественнознание еще не раскрыло внутренней связи, структуры и единства природы Земли и человека, Гегель формулирует тезис о том, что человек подчиняет себе природу, однако, фактически увеличивая свою зависимость от нее.

Эти предостерегающие слова, полный смысл которых мы в состоянии были понять только сейчас, стали, вероятно, одним из вдохновляющих моментов, способствующих влиянию немецкой классической философии на основоположников марксизма. Особенно Ф. Энгельс часто интересовался посторонним воздействием целенаправленного влияния человека на природу; он ясно высказывается о том, что природой никогда нельзя овладеть безоговорочно, что человек является лишь одной из ее частей, и главное преимущество его в сравнении с остальными живыми существами состоит в том, что он умеет правильно познавать природу и практически использовать ее. Наиболее четко его точка зрения сформулирована в „Диалектике природы“: „Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых... И так на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять.“

Универсальность и глобальный характер детерминации человеческой свободы с позиции природы имеет еще одну, менее явную сторону: эволюции и воспроизводства. Так как природные рамки общественной жизни во всей существующей до сих пор истории проявлялись как равномерные и вполне стабилизированные (напр., еще Гегель констатирует, что у природы нет истории во времени, что в ней „нет ничего нового под солнцем“), и так как внешняя и внутренняя природа человека и своей „гибкостью“ благоприятствовала развитию человеческой культуры, и марксистское понятие свободы, хотя и учитывало частичные нежелательные последствия человеческой деятельности, было в конечном итоге связано с убеждением, что ее природный базис не является самостоятельной общественно-научной проблемой.

И все-таки чрезвычайное теоретическое и практическое значение в марксистском материалистическом понимании истории имело открытие постоянного противоречия между природной и общественной сторонами человеческой свободы, на протяжении всей истории классово-эксплуататорских формаций. Определенной независимости и свободы по отношению к внешним природным условиям общество добивается только той ценой, что массы людей оказываются в социально-экономической и политической зависимости. Главным образом высокой уровень материального производства — буржуазная промышленность — с одной стороны, создает материальные и организационные предпосылки человеческой свободы, (жизненные средства для культивации человеческих потребностей, высокую производительность труда, организованность, сотрудничество, дисциплину) и, с другой стороны, воссоздает материальный базис зависимости и несвободы (классовый антагонизм, эксплуатацию, отчуждение, материальный и духовный гнет).

Классики марксизма-ленинизма, следовательно, вопрос свободы и человеческого освобождения решают в период, когда процесс социального и технического гнета европейского пролетариата достигает своей кульминации. В Англии завершена промышленная революция с ее негативными последствиями относительно интеллектуального содержания труда, образа жизни народных масс и основных общественных противоречий. Опыт этой большой технической революции стал, наверно, также одним из источников теоретического раскрытия сущности человеческого освобождения: степень овладения человеком внешней природой, а социальная форма этого овла- основной причиной человеческой несвободы в первую очередь является не низкая деня — буржуазное общество.

Понятие свободы в марксистско-ленинской теории является поэтому социаль- политическим понятием. Приордный и природно-биологический базис тради-

ционно понимается в единстве с общественной детерминацией как ее главный, однако, не совсем самостоятельный компонент.

Научно-техническая революция, всемирный процесс революционной эмансипации рабочего класса, развитие социально-политической свободы трудящихся в строительстве социалистического общества и другие факторы, однако, актуализируют природную сторону человеческой свободы, ее недостаточно теоретически разработанный природный аспект.

Учитывая тот факт, что мы не в состоянии тут обсудить весь комплекс детерминации человеческой свободы с позиции природы, сделаем компромисс и ограничимся констатацией и коротким комментарием к трем тезисам: 1. природа не нуждается в человеческой активности и свободе, она независима; 2. природа создает возможность существования человеческой свободы; 3. природа ограничивает человеческую свободу.

1. Природа не нуждается в человеческой активности и свободе, она не нуждается в культуре. Она является причиной себя самой, возникла до человека и человеческого общества. И если результатом ее развития стал человек, в котором далее проявляется ее потенция, то это не потому, что его посредством природа осуществляет „свой план“ и в области человеческой истории. История, свобода и культура являются творением человека, который преследует свои цели.

Несмотря на то, что естественные и социальные детерминации человеческой свободы действуют одновременно, и что в человеке и помимо него они объединяются и влияют одна на другую, они отличаются одновременно своим качеством, структурой, своими имманентными закономерностями и темпоральностью своего движения и развития. Следовательно — если привести пример — нельзя ожидать, что после создания социально справедливого общества и условий свободного развития общественного большинства, быстро удастся изменить биологическую основу человека и человеческую физиологию, таким образом, чтобы она находилась в полном соответствии с целями, ценностями и принципами нового общества. Человеческая физиология и психофизическая структура остается частью общей структуры детерминации человеческой свободы с позиций природы, и в этом смысле она является творением природы, которое, несмотря на все последующие модификации и развитие, мы должны прежде всего иметь в виду, защищать и бороться против всех общественно неприемлемых проявлений его.

2. Природа создает возможности существования человеческой свободы. Во-первых, природа создает благоприятные условия для человеческого труда, который является основным проявлением и орудием свободы, как биологической сущности самого человека, так и своей общей структурой и строением. Несмотря на то, что „она не нарушает своих законов“ (Леонардо да Винчи), ее детерминизм не враждебен человеку (а аналогично и культуре), он не „железен“, не жесток (А. Эйнштейн: „Природа изощрена, но не ехидна“). Человек в состоянии познавать свои и внешние природные силы, он может в определенной мере направлять их, овладеть ими, перегруппировать и использовать их, он в состоянии создавать из них орудия своей власти над непосредственным влиянием среды. Наилучшим образом этот факт выразил Маркс: „Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, природной его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и польцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти.“

Во-вторых, природа обуславливает и остальную, социально-политическую и культурную деятельность, представляющую реальное содержание человеческой свободы. Она необходимым образом оснастила примитивного человека биологически для культурного развития; она предоставляет человеческому обществу среду, все свое многообразие, продукты, материалы и часть своих первоначально неориентированных живых и неживых сил. До определенной границы, которой мы пока точно не установили, снисходительно впитывает человеческую целенаправленную деятельность и свободу.

В-третьих, природа ограничивает человеческую свободу. Процесс реализации человеческой свободы посредством производственно-технической и культурной деятельности общества предполагает не только сотрудничество, борьбу и обмен сил природы человеком его организацией, техникой и наукой, но и две взаимоприспособленные структуры взаимодействия: два полюса, из них один, сознательный, более активный и возрастающий — человек (общество) — своей экспансией и развитием не должен угрожать существованию второго, более подлинного, несознательного и относительно более пассивного — природы. Иначе говоря, существование и последующее развитие общества и человеческой свободы причинно связано с природой, особенно живой. Оно предполагает два качественно различных вида воспроизводства: искусственное, особенно абиотического расширенного воспроизводства общественных предпосылок свободы, воспроизводства культуры, и естественное, не слишком редуцированное биотическое воспроизводство биосферы.

В первобытно-общинном рабовладельческом и феодальном строе существовало определенное равновесие между относительно неразвитой активностью общества, до сих пор неослабленной способностью самовоспроизводства живой природы. Быстрое развитие абиотической продуктивной деятельности человечества (промышленности), благодаря которому ускорился общественный и культурный прогресс и возникли основные объективные предпосылки освобождения и развития общественного бытия, пока ослабляет и нарушает способность самопроизвольного неограниченного воспроизводства живой природы. В этой, на сегодняшний день очень актуальной проблеме, можно выделить несколько относительно самостоятельных аспектов: а) гносеологический аспект; б) социальный аспект; в) технический и научно-технический аспект; г) нравственный аспект.

а) Гносеологический аспект: Природа — это исторически установившаяся, нецеленаправленная и находящаяся в состоянии равновесия система. В этой системе, вследствие стихийных адаптаций ее отдельных компонентов, существует как их многократная взаимозаменимость, так и постоянные противоречия — внутреннее движение и развитие. Природа принципиально восприимчивее к частичному целенаправленному изменению — реальному проявлению человеческой активности и свободы, — чем к адекватному познанию своей структуры, сложности и внутренних тенденций развития. Вероятно, именно поэтому человек был в состоянии реализовать свою свободу (т.е. влиять, эксплуатировать и изменять силы природы, ее продукты, материю, тела и т.п.) и без понимания их сущности, их значения и связи с природой в целом и обществом. Сначала магическо-инстинктивным, потом эмпирическим и теоретическим освоением технологии, т.е. особенного „эффективного алгоритма“ для преодоления „естественного“ сопротивления природы.

б) Социальный аспект: Несмотря на то, что реальной человеческой свободы человечество добивается постепенно, за счет прогресса на протяжении всей истории культуры, точку зрения развития индивида и общества, точку зрения свободы можно полностью объединить с точкой зрения развития и воспроизводства биосферы только в общемировом коммунистическом обществе.

в) Технический и научно-технический аспект: Техника и наука всегда являлись значимыми факторами человеческой свободы, они расширяли и приумножали естественные человеческие способности. Мы вправе ожидать, что и в социалистическом обществе они будут содействовать познанию, методам и средствам дальнейшего развития человеческой личности. Но пока, исходя из традиций, а следовательно, в определенной степени независимо и от конкретной социально-экономической ориентации, они носили скорее „антиприродный“ характер, участвуя в опасном подавлении органического неорганическими веществами и силами.

г) Моральный аспект: К настоящему моменту в культурном развитии сформировалось отношение человека к природе, как собственническое отношение. Расширение человеческой свободы зависело от присваивания все новых природных источников. Именно поэтому, если воспользоваться преувеличенной формулировкой, сегодня возникает очень реальная угроза свободе и человеческой культуре опять подвергающейся опасности со стороны самого человека: деградацией внешней и внутренней природы.

Кажется, что даже понятие общественной собственности на природу полностью не отражает сущность проблемы. Природа как условие и рамки жизни, включая общественную жизнь, не может в истинном смысле этого слова стать собственностью

человечества. Человечество может лишь оставаться одной из ее частей, разумно использовать ее, относиться к ней с уважением и беречь ее.

II

Человек как общественное существо, именно своим общественным началом преодолевшее только свои природные предназначения (не отметив их при этом), как существо, сущностью которого является „совокупность общественных отношений“ (Маркс), определяющим образом детерминирован обществом. Общество, т. е. исторически изменяющиеся структуры и формы человеческого сожителства, являются также той средой, в рамках которой (и по отношению к которой) исторический человек ищет и реализует свою свободу. Попытаемся сначала вкратце показать, что означает социальная детерминированность человека.

1. Человек, в о - п е р в ы х, детерминирован социально-историческим временем, т. е. своим историческим обоснованием, местом, которое он занял в развитии человеческой цивилизации, эпохой, в которой он родился, и своим социально-историческим пространством, т. е. в общем смысле экономическим строем, образующим рамки его жизни, а специфически — своим местом в этом строе. То есть не только тем, что он, например, человек феодальный, но и тем, феодал ли он, духовное лицо, крепостной или ремесленник (а в данном случае — мастер он или подмастерье) и т. п.

Социально-историческое время и социально-историческое пространство в этом смысле является тем, что иногда называют социальной средой. Но саму эту социальную среду необходимо понимать (с точки зрения детерминированности человека как индивида) в очень широком диапазоне: начиная с социально-экономической макро-структуры, т. е. социально-экономического строя, и кончая разными видами микро-среды, которые индивиду создают (конечно по своему, со своими особенными моментами и не всегда точно) формативные влияния макросреды. В этом плане, например, нельзя забывать об определяющем влиянии таких видов микросреды, как семья, трудовой и школьный коллектив, или влияние „компаний“ или других форм „неформальной“ среды.

Во-вторых, человек социально детерминирован общественным сознанием своего времени, т. е., сказано упрощенно, комплексом представлений, сформированных данным историческим обществом, и комплексом ценностей (целей, идеалов и т. п.), которые действуют в этом обществе и мотивируют действия людей.

Общественное сознание по своей сути является частью того, что называется социальной средой, но, по нашему мнению, общественное сознание является совокупностью социальных детерминаций, которые не обязательно тождественны тем, которые сформированы объективными общественными определениями человека, о которых говорилось раньше. Это вытекает из того, что общественное сознание нельзя считать — по крайней мере это касается досоциалистических общественно-экономических формаций — точным и неискаженным отражением общественного бытия, а отражением, искаженным классовым интересом, и, следовательно, полным иллюзией. Как существо, у которого „все должно пройти через головы“ (Энгельс), осознает человек не свои объективные социальные детерминации, а скорее их классово деформированное отражение. Это не значит, что объективные детерминации в конечном итоге не находят своего осуществления, однако, они реализуются особенно с указанным деформированным отражением; в интересах правильного понимания исторической конкретности социальной детерминированности человека этот факт не следует упускать из виду.

И, в-третьих, человек как индивид социально детерминирован — если можно так сказать — сам собой, своим бытием, своими индивидуальными данными (и также способом их переживания и оценки индивидом). Речь идет о его психофизическом „оснащении“, его физическом состоянии, дарованиях, таланте, способностях, умениях и т. д. Может показаться, что указанные дарования индивида являются по своей биологически-антропологической основе всего лишь природными детерминациями: в действительности они являются точкой пересечения природных и общественных детерминаций. И эти биологически-антропологические основы индивида играют свою роль только после сформирования и опосредования через общественные детерминации,

т. е. только тогда и в том виде, в котором эти основы были сформированы детерминациями в результате действия социальной среды, общественного сознания и — в рамках собственной общественной жизни — и самого индивида.

После такого перечня главных определяющих факторов человека может создаться впечатление, что, если нельзя выбрать ни время, ни цивилизацию, ни общество, ни класс, ни семью, ни мир представленный и целей и даже в значительной мере ни свои собственные физические и психические свойства и т. д., значит, для свободы человека остается только ограниченное пространство. И все же такое заключение неверно. Попытаемся сейчас показать, где есть возможности реализации правильно понимаемой человеческой свободы — сначала в общем плане, а затем в плане специфических реализаций ее в эпоху социализма.

2. Реальные, хотя и неограниченные возможности человеческой свободы, смог понять и теоретически обосновать только марксистский материализм. Старый материализм — как показал Маркс (напр. в „Тезисах о Фейербахе“) — видел односторонне только детерминации человека, исключаящие человеческую активность, и, следовательно, свободу (и можно добавить, опять используя слова Маркса, также идеализм, и в тех случаях, где восторгается свободой и принимает форму индетерминистских концепций, не знает реальной свободы).

В чем состоят, следовательно, возможности человеческой свободы?

Во-первых, социально-исторический детерминизм объективен, не зависит от человеческой воли. Но в марксистско-ленинском понимании (в отличие от детерминистически-фаталистических представлений эволюционистского ревизионизма) он не осуществляется с „железной“ необходимостью природных законов и независимо от человеческой деятельности. Социальная закономерность находит свое осуществление в диалектике возможностей и их реализации, которые представляют собой производство исторических людей: хотя исторически детерминированы, „люди сами делают свою собственную историю“ (Маркс). Объективная историческая закономерность общественного движения, следовательно, исходит из исторически-практической деятельности людей, формирующей пространство для человеческой активности, развивающейся на основе человеческих решений — т. е. пространство для свободы.

В этом смысле „мера“ такой свободы исторически обусловлена; это также значит — в соответствии с историческим прогрессом, — что эта мера расширяется: „любой прогресс в культуре стал шагом к свободе“ (Энгельс), на пути, по которому готовится „прыжок из царства необходимости в царство свободы“ (Маркс).

Во-вторых, социальные детерминации, иногда обозначаемые как социальная среда, и другие детерминации, о которых уже говорилось, не являются какой-то застывшей „средой“ (milieu), о которой говорил, например, ранний материализм. Влияние этих детерминаций не односторонне и не абсолютно: оно реализуется в сложной диалектике объективного и субъективного. Упрощенно сказано: вопрос в том, какие механизмы „внешних“ влияний будут в индивидууме реализовываться, и каким образом, решает в определенной мере сам индивид. Эти влияния действуют в той мере, в какой они приняты и „отсогласованы“ индивидом и стали его внутренним имуществом. В крайнем случае может стать влияние среды даже „обратным“ — в тех случаях, когда индивид восполняется своей „свободой отрицания“, но она мало содержательна. (В социалистическом обществе она становится отрицательным общественным явлением и препятствием на пути достижения реальной свободы индивида).

И тут мы подходим к третьей, наиболее принципиальной возможности человеческой свободы, к возможности, на которую смог указать только марксизм. Она связана с тем, что человек не является ни существом раз и навсегда определенным (ни своей сутью, как считала традиционная метафизика, или своим наследственно врожденным предназначением, как считает современный инстинктивизм, напр., этологический), ни существом только реагирующим, приспособляющимся и манипулируемым (как проповедует бихевиоризм), но активным существом. Поэтому он в состоянии не только познавать свои природные и общественные детерминации, но и на основе этого познания изменять их, а это в смысле его целей и решений — свободно.

Человеческую активность, как предпосылку достижения человеческой свободы, конечно, нельзя понимать с точки зрения идеалистической абсолютизации, т. е. как неограниченную произвольную и самовольную деятельность абстрактного субъекта (как утверждал, напр., Фихте или философия существования), а как предметную, то есть реальную деятельность, труд и практику, революционную исторически-творчес-

кую активность. Только эта предметная, т. е. реальная деятельность человека ведет не только к иллюзии, чувству свободы („внутренней свободы“), какой ее представлял идеализм (но и, напр., стоически-спинозовская традиция), но к реальной свободе.

3. До сих пор речь шла только о возможностях и шансах человеческой свободы. Но каким образом эти шансы реализуются? В общем плане можно сказать, что их реализация опять зависит от определенных предпосылок — объективных, т. е. от исторического характера общества, и субъективных, т. е. от деятельного применения способностей исторических индивидов. Конечно, больше нас интересует, каким образом эти предпосылки осуществляются в нашей социалистической деятельности.

Основная социально-историческая предпосылка реализации свободы в социалистическом обществе уже осуществлена: реальный социализм как высшая форма общественного движения создает условия для исторически наивысшей меры человеческой свободы — несмотря на ее рамки, которые видны в сравнении с „дарством свободы“, с „истинным царством свободы“ (Маркс), которое будет воплощать коммунизм.

Но даже при социализме человек не добывается свободы автоматически, без собственных усилий, т. е. без специфической активности. Стать свободным, т. е. ответственно использовать все возможности реальной свободы, и эту свободу соответствующим образом прожить, т. е. быть свободным и чувствовать себя свободным, может только сознательная и активная личность, у которой высоко развит интеллект, мораль, чувство и воля.

В этом плане свобода, во первых, исходит из определенного познавательного действия: познания действительности (особенно общественной — во всей ее сложности, познания ее основных закономерностей и тенденций, познания, которое отличает основное от постороннего, сущность от явления, постоянное от временного и т. п. Вопрос не только в том, какова эта действительность, но и в том, какой она становится и какой станет, т. е. и в познании ее тенденции развития и борьбы, в которой проводится это движение, а также и в познании основных целей, идеалов и ценностей, стоящих перед этим обществом. Но речь идет не об обезличенном познании.

В этом плане важно и понимание собственного места в этой общественной реальности, собственных задач, обязанностей и обязательств. Но самое важное — это не созерцательное наблюдение за „драмой мира“ извне, с позиций невключенного зрителя, и не „реализм“ всего лишь одобряющий данное и капитулирующий перед ним.

Свободы нельзя добиться без познания и, следовательно, без признания действительности, но это признание не должно являться лишь ее пассивным приспособлением. Свобода возможна только там, где человек отождествляется с тенденциями развития и потребностями его общества в той мере, в какой они станут совокупностью мотивации его действия.

Поэтому вторым необходимым условием свободы личности при социализме является сознательное действие, т. е. активное участие — ангажированность. Здесь мы переходим из области познавательных действий в область чувственных и моральных мотиваций и волевой активности.

Сущностью и целью ангажирования является активная деятельность, содействующая революционному преобразованию действительности, деятельность, которая немаловажна без познавательных исходных точек — активное участие без такого фундамента не действенно, оно разбилось бы на препятствия, создаваемых стихийностью, практицизмом или прагматизмом. И помимо этого, сами результаты практической активности человека должны постоянно подвергаться анализу познания, результаты которого ведут ко все новым формам ангажирования.

Ангажированная активность не простое дело, оно нуждается не только в высокой мере рациональности и оперативности, но и в высоких морально-политических качествах. Если оно обосновано таким образом, оно дает индивиду не только много силы к увеличению волевых усилий, без которых оно немаловажно, но и достаточно смелости и внутренних сил там, где ангажирующий индивид неминуемо входит в конфликт со старым и переживающим и даже там, где не исключены временные отступления и проигрыши. (Здесь прямо напрашивается необходимость отличить ангажированность от карьеризма; карьеризм не исходит из глубоких познавательных, моральных и чувственных идентификаций с миром, который мы строим: к этому миру он относится равнодушно, этот мир для него является лишь возможностью добиться

успеха. В результате этого карьеризм является беспринципиальным, и избегает любого риска).

В третьих, только действительно ангажированное действие, реализующее возможности и шансы свободы всего общества и для всего общества, приносит и активному индивиду очень положительные глубокие и внутренние чувства: чувство удовлетворения от того, как реализуется человек, осознание того факта, что он является ответственной частицей и деятелем общественного прогресса, и не в последнюю очередь, чувство свободы.

Это не парадокс (который находили здесь экзистенциалистские концепции об ангажировании): человек, который детерминируется тем, что осваивает историческую необходимость, отождествляется с ней и потом действует в ее смысле, чувствует себя намного свободнее, чем тот, который только пассивно подчиняется необходимости, которую он чувствует как „внешнюю, навязываемую“ и т. п. Человек, принимающий активное участие в деле социализма, не только чувствует себя свободным, но и является свободным.

В этом смысле социалистическое общество дает все возможности для того, чтобы свобода перестала быть иллюзорным чувством, обманом, достигаемым какой-то самоманипуляцией. Но, повторяем, этой реальной свободой, не нарушающей детерминации, человек не одарен, и сам должен ее сформировать.

ПРÍРОДНÍ А СПОЛЕЧЕНСКÉ ДЕТЕРМИНАЦЕ ЛИДСКÉ СВОБОДЫ

Autoři stati uvádějí obecnou strukturu determinace lidské svobody v obou základních oblastech — v přírodě i ve společnosti. Připomínají, že obě tyto oblasti jsou propojeny složitou vnitřní dialektikou: relativní nezávislosti na přírodě člověk dosahuje jen díky sociální formě života a sociálně politická svoboda předpokládá vysokou úroveň ovládnutí a kontroly přírody společností. V rámci posouzení přírodního aspektu lidské svobody jsou stručně komentovány tři teze: 1. příroda lidskou aktivitu a svobodu nepotřebuje, je soběstačná; 2. příroda lidskou svobodu umožňuje; 3. příroda lidskou svobodu limituje. V oblasti sociální podmíněnosti lidské svobody autoři analyzují následující problémy: 1. strukturu sociálně historického prostředí; 2. rozšiřující se možnosti lidské svobody v dějinách; 3. problém uskutečňování předpokladů lidské svobody v socialistické společnosti. Dospívají k závěru, že ani za socialismu nezískává člověk svobodu automaticky, bez vlastního přičinění, nýbrž aktivním poznáváním, uvědomělým jednáním a angažovanou činností. Člověk angažující se za věc socialismu se přitom nejen svobodným cítí, nýbrž skutečně také svobodným je.